Битюг — это река, левый приток Дона в его среднем течении. По преданиям старины глубокой вода «битюка» по чистоте считалась не иначе как хрустальной. В эпоху молодого Петра одно из уютных местечек на берегу реки, опушенное смешанным лесом, облюбовала под постоянное место жительства группа семейных служилых людей. Потом к ним добавились переселенцы из ярославских краев. Деревню назвали Ясырки — по расположенному здесь озерцу Ясырское. Краеведы полагают, что в пору татаро-монгольского ига ордынцы держали тут своеобразный пересыльный пункт для русских пленников — ясырей. После появления церкви (середина XVIII века) Ясырки стали селом и были дарованы императрицей Екатериной II князю Александру Андреевичу Безбородко, одному из особо приближенных к ней людей, а при Павле I ставшему канцлером. Со временем у наследников Безбородко имение выкупил воронежский вице-губернатор Иван Иванович Рубашевский (1781–1836), от которого оно потом перешло к его сыну Тимофею Ивановичу (1834–1892).

Вот в этих самых Ясырках, в воронежской глубинке, в позапрошлом веке было сочинено сказочное стихотворение, которое по сию пору

включается в хрестоматии и сборники произведений для детей и рекомендуется родителям, воспитателям детсадов и других дошкольных учреждений для чтения малышам. Называется оно «Птичка»:

Птичка над моим окошком
Гнездышко для деток вьет, —
То соломку тащит в ножках,
То пушок в носку несет.
Птичка домик сделать хочет:
Солнышко взойдет, зайдет —
Целый день она хлопочет,
Но и целый день поет.
Ночь холодная настанет,
От реки туман пойдет,
Птичка-душенька устанет,
Спит и петь перестает.
Но чуть утро — птичка снова
Песню звонко заведет;
Весела, сыта, здорова,
И поет себе, поет.
Люди время убивают,
Время быстрое идет,
Птичка праздности не знает
И поет себе, поет.
Отчего ж она счастлива,
Отчего ж так весела?
Оттого, что хлопотлива
И ленивой не была.
Надо утром помолиться, —
Для того она встает
Очень рано, там трудиться
И в трудах поет, поет!

Под стихотворением стоит дата — 16 июня 1850 года. И указано место написания: село Ясырки.

Даже по прошествии более полутора веков непредвзятый читатель непременно отметит, что это поэтическое рукоделие при всей простоте, даже наивности содержания, точно и тонко рассчитано на восприятие именно маленьким человечком. И волшебная сказочность, и лексика, и ритм, и мелодика миниатюры подобраны так, чтобы стихотворение было не только приятно слушать, но и легко запоминать, а потом и самому выразительно декламировать на радость родителям.

Первая публикация «Птички» состоялась в журнале «Звездочка», в первом его номере за 1851 год. Имя и фамилия автора не были названы — псевдоним состоял лишь из одной прописной буквы с точкой — Э.

В «Библиографическом словаре русских писательниц» князя Н.Н. Голицына, изданном в Санкт-Петербурге в 1889 году, утверждается, что криптоним Э. принадлежит некоей Элизе Эльген. В небольшой справочке на странице 282 читаем следующее: «Эльген, Элиза, дочь пастора; в 1840 году, на 16-м году, выдержала экзамен в петербургском университете на звание домашней наставницы, что тогда было редкостью. Сотрудник «Звездочки» 1840-х годов». Под словом «сотрудник» следует понимать не штатного работника редакции издания, а автора, сотрудничавшего с ним.

Журнал издавала и редактировала Александра Осиповна Ишимова (1804–1881), известная в свое время писательница и журналист, автор дошедшей до наших дней книги «История России в рассказах для детей.» Это была очень талантливая дама, знала несколько европейских языков и делала переводы, прекрасно

владела пером. Ее по праву называют первым российским профессиональным детским литератором.

В отечественной литературе истоки поэзии для детей начинают прослеживаться с XVII–XVIII веков. Потом постепенно она все ближе подступала к ребенку, все глубже осваивала его собственный и окружающий мир. При этом, как считает современный литературовед Е.О. Путилова, «и сама детская поэзия поднималась на новую высоту, становясь образнее, богаче сюжетами и темами. В поэзии для детей приняли живое участие А.А. Фет, А.Н. Майков, Я.П. Полонский, Н.А. Некрасов, А.Н. Плещеев, И.З. Суриков».

«С конца 1840-х годов, — продолжает Е.О. Путилова, — на страницах детских журналов стали появляться стихи, надолго полюбившиеся читателям. Стихи эти не были высокого качества, но они первыми ответили на потребности ребенка услышать и сказать о себе. Настоящую популярность приобрели «Сиротка» К.А. Петерсона («Вечер был, сверкали звезды»), «Птичка» Элизы Эльген («Птичка над моим окошком»), «Раз, два, три, четыре, пять — вышел зайчик погулять» Ф.Б. Миллера, «Пойманная птичка» А.А. Пчельниковой («Ах, попалась птичка, стой!..») и другие».

Литературовед права: в перечисленных стихотворениях все было понятным и близким сознанию и восприятию ребенка, все ситуации вызывали у него живой эмоциональный отклик, ведь персонажи были знакомы — из жизни, из рассказов старших, из услышанных сказок. К тому же стихи легко запоминались, их перекладывали на музыку, включали в сценарии для игр.

Что касается «Птички» Элизы Эльген, то в печатных и электронных источниках у этого стихотворения непростая судьба.

Можно встретить, например, ссылку на то, что автором сочинения является Ф.А. Туманский (1800–1853). У этого поэта, действительно, есть «Птичка», но своя («Вчера я растворил темницу...»).

Несправедливо приписываются стихи Элизы Эльген Я.П. Полонскому (1819–1896): при одинаковом названии его творение совсем иное («Пахнет полем воздух чистый...»).

Приписывается авторство даже В.Ф. Бокову (1914–2009), что вообще абсурдно — большому советскому поэту подобная «честь» ни к чему.

Любопытен и такой момент. В ряде публикаций у «Птички» есть добавок в виде четверостишия, которого не было в «Звездочке»:

Речь к концу я подвожу
И тебе одно скажу
Нет, мудрец, как я слыхал, —
«Человека Бог создал».

А есть случаи, когда это стихотворение при перепечатке сокращают и причем значительно. Так, в изданной в 1864 году книге-хрестоматии для детей и родителей «Родное слово» ее составитель, выдающийся педагог и писатель Константин Дмитриевич Ушинский оставил от сочинения Элизы Эльген только первые шестнадцать строк.

«Птичка», которая гнездышко для деток вьет, с самого момента своего появления на свет привлекла внимание не только самодеятельных, но и профессиональных композиторов. Считается, что к стихотворению может легко подобрать музыку даже дилетант. Тем не менее, великого П.И. Чайковского это не смутило. Его опус известен под названием «Птичка над моим окошком» (см.: Чайковский Петр Ильич. Птичка над моим окошком: Детская песенка из сборника Мамонтова / П.И. Чайковский // Юный скрипач [Ноты]. — 1/3: 1-я позиция / К.А. Фортунатов. — Переизд. — Ростов н/д : Феникс, 1997. — с. 24).

Теперь о том, что известно про Элизу Эльген. К сожалению, очень мало.

С большой долей вероятности годом ее рождения можно считать 1824-й. Повторим написанное в голицынском Словаре: в 16 лет она «выдержала экзамен в петербургском университете на звание домашней наставницы». Если понимать дословно, то в столь юном возрасте девица Эльген уже получила высшее образование. Видимо, имея при природной своей даровитости исключительное по качеству и объему образование домашнее, она сдавала экзамен экстерном. Каков вундеркинд! Ну, а если речь идет все-таки об экзамене вступительном в главное высшее учебное заведение страны, то и это для особы женского пола — исключительная редкость по тем временам.

В XIX веке домашнее образование в России привлекало внимание поместных дворян и духовенства по целому ряду причин. Во-первых, значительная часть представителей привилегированных сословий проживала в имениях, вдали от городов, где были учебные заведения. Во-вторых, было некоторое недоверие к казенной школе — там воспитательный процесс нередко находился ниже желаемого уровня. В-третьих, домашнее образование имело давние традиции и богатый опыт. В-четвертых, в связи с необходимостью приобретения чинов дворянство стремилось к «укороченному образованию».

Звание «домашний наставник» означало «первую высшую степень между лицами, занимающимися обучением в частных домах». Ко второй степени относились домашние учителя, т.е. лица, не имевшие высшего образования. Так что Элиза Эльген не была обычной гувернанткой, а являлась специалистом очень высокого уровня. К тому же Бог наградил девушку литературным талантом.

Обратим внимание на важную деталь. Стихотворение «Птичка» имеет посвящение «Кате Суходольской». Упомянутая выше Евгения Оскаровна Путилова (доктор филологических наук, профессор кафедры детской литературы Российского государственного педагогического университета им. Герцена в Санкт-Петербурге) уже предпринимала попытки пролить свет на обстоятельства жизни и творчества загадочной Элизы Эльген. У нее есть небольшая статья «В поисках автора», опубликованная во втором номере журнала «Детская литература» за 1982 год. «Справочники и указатели по Воронежской губернии были хорошо составлены, и вскоре определенный круг ее обитателей, начиная с письмоводителя и фельдшера и кончая предводителем дворянства, был мне известен, — пишет она. — Но опять же, по той или иной причине, ни одна из фамилий не оказалась подходящей к Э.»

Тогда Путилова решается обратиться с просьбой поискать следы Элизы Эльген и Кати Суходольской к профессору Воронежского государственного университета С.Г. Лазутину (1919–1993). Сергей Георгиевич был крупным ученым-литературоведом, специализировался на фольклоре. Он живо откликнулся и в областном архиве обнаружил некоторые сведения о помещиках Суходольских.

Суходольские, если кому интересно, — старинный польский дворянский род. Водворился первоначально в воеводстве Люблинском. Происходящий из этого рода Войцех Суходольский в 1800 году возведен в графское достоинство Императором Римским Королем Галиции и Лодомерии Францем II и пожалован грамотою, с присоединением к фамильному гербу украшений, свойственных новому его достоинству. Представители этой фамилии обосновались в целом ряде губерний России.

Воронежские Суходольские богатств особых не имели, как и графского титула. Вот любопытный документ 1812 года — «Генеральная ведомость», имеющая следующий подзаголовок: «Кому имянно изъ помЬшиковъ, въ 13 уЬздахъ Воронежскую Губернію составляющихъ, по Высочайшему Его Императорскаго Величества, ноября 30-го дня последовавшему Манифесту, съ владЬемыхъ ими крестьянъ, въ составление Земскаго войска, по числу душъ, назначено поставить рат-

никовъ значится подъ симъ». В ведомости множество фамилий. Есть помещики, у которых тысячи и сотни крепостных. За майором Борисом Суходольским числится всего лишь 21 крестьянин и ему предписывалось отправить в Земское войско только одного ратника.

Личное дело о правах на дворянское достоинство Бориса Дмитриевича Суходольского в государственном архиве Воронежской области (фонд И29, опись 139, дело 259а) небогато на подробности, но дотошный профессор Лазутин докопался все-таки до такой детали: у этого помещика был сын, тоже военный — капитан Дмитрий Борисович, отец троих детей. Младшенькую в семействе — 1844 года рождения — звали Екатерина. То есть на момент написания Элизой Эльген стихотворения «Птичка» Кате Суходольской было шесть лет.

Е.О. Путилова уверена в том, что Элиза Эльген была домашней наставницей именно этой девочки и других детей Дмитрия Борисовича, жила какое-то время у Суходольских в Ясырках. К сожалению, ни Евгения Оскаровна, ни Сергей Георгиевич каких-либо подробностей о самой поэтессе не выявили.

Элиза печаталась всегда под псевдонимом Э. Кроме «Звездочки», ее произведения встречаются в дочернем издании этого журнала под названием «Лучи». Редактором «Лучей» также являлась А.О. Ишимова. Разница между журналами была такая: в первом публиковались материалы для детей младшего и самого младшего возраста, во втором читательскую аудиторию составляли девицы.

Перу нашей домашней наставницы принадлежат стихотворения, общее число которых подсчитать пока не удалось ввиду труднодоступности названных изданий, а также две поэмы: «Записки Кости» и «Графская степь». В центре произведений — ребенок, подросток, животные, растения, помещичья усадьба, жизнь ее обитателей, бескрайние просторы воронежских степей, полные загадок древние курганы. Среди персонажей — родные и друзья. Особое место в «Записках Кости», например, отводится образу деда — храброго участника суворовских походов, коим на самом деле и был отставной майор Борис Дмитриевич Суходольский.

Содержание «Записок Кости» и «Графской степи» находится в русле общей тематики «Звездочки» и «Лучей», которую Н.А. Добролюбов назвал патриотической. «За это постоянство направления нельзя не похвалить редакцию, потому что направление это само по себе совершенно здраво и как нельзя лучше соответствует началам истинной педагогики», — писал критик. Но вместе с тем он осуждал оба издания за религиозно-монархическую направленность. В статье «Обзор детских журналов» Добролюбов критикует редакцию: «...очень мало думает о современном движении идей и остается по-прежнему очень преданною высшим отвлеченностям и идеальным стремлениям». Не одобрял и В.Г. Белинский общую направленность «Звездочки», которая, по его мнению, «всегда была дрянью».

Указание в «Библиографическом словаре» Н.Н. Голицына на то, что Элиза Эльген является дочерью пастора, дает возможность несколько расширить рамки поиска сведений, касаемых ее родословной. Пастор — значит, речь можно вести об инославном вероисповедании ее родителя, а может, и ее самой. Плюс необычная, нерусская фамилия. Следовательно, корни Элизы следует искать где-то поближе к северо-западным российским окраинам. И точно!

Фамилия Эльген встречается в Ингерманландии — территории нынешней Ленинградской области и Петербурга. В XIX веке здесь проживало много населения лютеранского вероисповедания. По сведениям из Российского государственного исторического архива за 1813 год, в приходах Ингерманландии службу несли пасторы Генрих и Вильям Эльгены. По другим данным, в 1829 году нес послушание в кирхе Святого Михаила в деревне Серепетта (Жеребятки) пастор Адольф Фридрих Эльген. Есть некоторые основания считать, что все трое состояли в родстве между собой, и Адольф, скорее всего, являлся отцом Элизы, родившейся в

1824 году. По этническому просхождению Эльгены либо прибалтийские немцы, либо финны.

Изучение метрических книг лютеранских приходов Ингерманландии помогло бы точно установить дату рождения Элизы Эльген, имена ее родителей, время конфирмации (обряда сознательного исповедания веры) — обычно там берегут церковные документы.

Километрах в сорока к юго-западу от Северной столицы есть город Гатчина. В 1890-х годах здесь проживали несколько семейств Эльгенов. Так, дочь коллежского асессора Лидия Александровна фон Эльген владела весьма приличным домом на Мариинской улице. А напротив располагался дом ее сестры — Зинаиды Александровны фон Эльген, классной дамы Гатчинской женской гимназии. Являлась ли автор «Птички» их родственницей?

К сожалению, скромные возможности автора этих заметок не позволяют в полном объеме провести нужную исследовательскую работу в архивах Санкт-Петербурга. Но, безусловно, поиск следов «Э.» будет продолжен.

Причин, по которым имя Элизы Эльген забылось, несколько. Возможно, она вышла замуж и сменила фамилию. Не исключено, что, достигнув некоего предела в своем творчестве и поняв, что ей не по силам тягаться, например, с Евдокией Ростопчиной, Каролиной Павловой, Евгенией Тур и другими своими современницами-поэтессами, Элиза прекратила занятия литературным творчеством. Надо иметь в виду и такую печальную статистику: в середине девятнадцатого века средняя продолжительность жизни в России была ниже тридцати пяти лет...

Отдельной книгой стихотворения и поэмы Элизы Эльген не издавались. Но их — главным образом «Птичку» — часто включали в хрестоматии, альманахи, сборники, печатали в периодических изданиях в дореволюционное и советское время. В новейшее время выходил с «Птичкой», к примеру, сборник «Русская поэзия детям» (Санкт-Петербург, издательство «Академический проект», 1997). В 2006 году стихотворение вошло в книгу «Детства пора золотая. Стихи и рассказы для младшего школьного возраста» московского издательства «Дрофа-Плюс». Здесь имя Элизы Эльген соседствует с именами таких авторов, как В.А. Жуковский, А.А. Пчельникова, Д.Д. Минаев, И.С. Никитин. Ф.Б. Миллер и другие.

В Ясырках Элиза Эльген сочинила еще одно стихотворение, датированное 7 мая 1850 года и посвященное пока не установленной Ф.Н. Андреевой. Называется оно «Маргаритка». В нем поэтесса выражает чувства своего маленького героя к скромному садовому цветку:

Смиренно на грядке моя маргаритка
Среди ноготков и фиалок цветет;
Ее стебелечек, как тонкая нитка,
Из листиков свеженьких кверху идет.
Люблю маргаритку — пестрой головкой
Она мне кивает, видаясь со мной;
Цветок бело-розовый, словно обновка,
Любуется мягкой своею землей.
Почти каждый вечер я землю взрываю;
Гляжу с восхищеньем на милый цветок,
Водицею свежей его поливаю
И пыль обметаю с него, а листок
Сорвал я недавно на память былого
И в книжке заветной его засушил...
Люблю я цветок мой как друга родного.
Ах, как мне он дорог, любезен и мил!
Он скромно на грядке цветет одинокой,
Поутру росинкой умывшись тайком,

Вздымает листки свои к небу высоко
И молится Богу, склонясь стебельком.
За что же цветок мой так мил мне, за что же
Люблю его больше всех в мире цветов —
За что он пахучих милей мне, дороже? —
За скромность. О, скромность! Тебя я готов
Искать меж людей, меж цветов и растений,
Тобой любоваться, тебя уважать, —
Отдать тебе дань своего уваженья
И с чувством отрадным тебя созерцать.

На память приходит стихотворение «Последний цветок» поэтессы Евдокии Петровны Ростопчиной:

Ты отцветешь и с нежным состраданьем
Вложу тебя в молитвенник святой...

«Последний цветок», эхо которого как бы звучит в «Маргаритке», написан был также на Битюге, в Аннинском имении Ростопчиных, где графиня Евдокия жила осенью 1835 года. Это в 15 верстах от Ясырок, вниз по течению реки Битюг. Никакого сомнения нет в том, что Элиза Эльген читала стихи и прозу Ростопчиной и брала с нее пример в творчестве.

Первое в истории Прибитюжья стихотворение было написано здесь графиней Евдокией Ростопчиной 22 августа 1834 года. Называлось оно «Осенние листы». Мадемуазель Элиза Эльген сначала с «Маргариткой», потом с «Птичкой» была второй.

Во второй половине XIX века в связи с образованием близ Ясырок небольшого сельца Малые Ясырки, материнское село переименовали в Большие Ясырки. Озеро Ясырское, прежде глубокое и обильное рыбой, давно обмелело, поросло камышом и даже утратило свое название. Но так и кажется, что жива еще сказочная птичка-невеличка, в трудах не знающая праздности, что продолжает — надо только внимательно прислушаться — звучать в пелене ушедшего времени ее тоненький волшебный голосок.

□ □